

Фраза, вынесенная в заглавие статьи, — из письма К.С.Станиславского Сталину, впервые опубликованного в недавно вышедшем 9-м томе Собрания сочинений Станиславского. Этот том завершает публикацию Сочинений Станиславского, подготовленных в Научно-исследовательском секторе Школы-Студии МХАТ. Раньше, лет десять назад по столь торжественному поводу непременно появились бы полосы в центральных газетах, сейчас том тихо занял свое место на полках книжных магазинов. И пока мало кто осознал масштабы сделанного. 9-й том состоит из писем Станиславского, охватывающих период 1918-1932 годов, собственно, весь советский период жизни и творчества основателя Художественного театра. В среднем сознании театрального человека прочно укоренился образ чудаковатого небожителя, который плохо себе представляет, «какое милое у нас тысячелетие на дворе», путает ГПУ с ГУМом и предостерегает Сталина от произнесения крамольных текстов: заметет ЧК. Реальный Станиславский столь же далек от анекдотического, так же как далек от радостного пафоса строителя нового общества, каким его в силу идеологических причин хотела бы видеть официозная критика.

Реальный Станиславский «время на дворе» разгадал достаточно быстро: «эпоха всеобщего одиночия», когда «терять веру в свой народ». Что такое ГПУ знал не понаслышке, регулярно хлопоча об облегчении участи арестованных родных, близких, друзей, коллег. Его племянник Михаил Алексеев вместе с женой Александрой и сестрой жены были арестованы и содержались в Бутырской тюрьме. Тело Михаила со следами побоев было выдано родным. До самой смерти Станиславский хлопотал об облегчении участи Александры и ее сестры, был официальным опекуном сына и дочери племянника.

Он остро осознавал свое положение как человека, каждый шаг которого рассматривается в микроскоп. В письме,

МХАТ должен стать вышкой

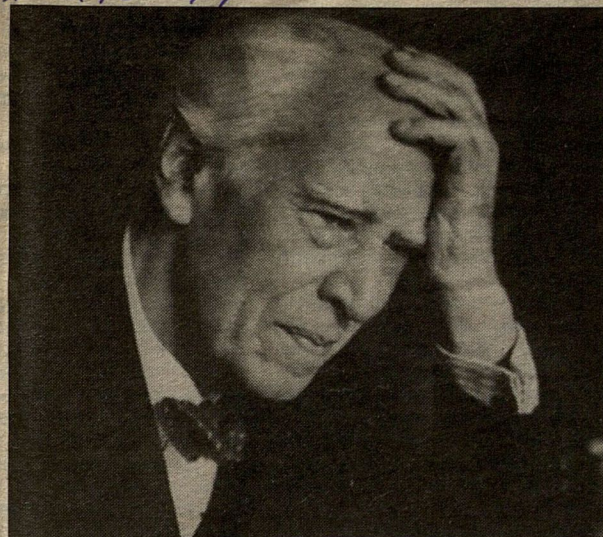
Экран и сцена — 2000 — фев. (№4) — с. 10-11

написанном в Ницце заграничной же корреспондентке, он позволяет себе более четко, чем обычно, объяснить, почему он не может переписываться и встречаться с тем, с кем ему хочется: «Советское правительство относится недружелюбно к людям, покинувшим СССР... Вот что заставляет меня быть осторожным, до щепетильности». Внучке, долго бывшей во Франции и приехавшей в Москву, советует: «будь сдержанна на язык, не болтай зря...»

Не страдая «предвзвешенностью любимой мысли», коллектив составителей (И.Н.Виноградская, Е.А.Кеслер, З.П.Удальцова) поставил перед собой цель — воссоздание жизни Станиславского советских лет с максимально возможной полнотой и подробностью. Вот Станиславский в своих бытовых проблемах и семейных заботах. Станиславский, обсуждающий важнейшие задачи театрального искусства. Станиславский, который в письме к Немировичу-Данченко, порадует: «если Шостакович гений — это от радно!». Станиславский, сославшись на болезнь, отказывающийся присутствовать на читке пьесы «следователя по важнейшим делам» в кабинете Вышинского. Станиславский, осваивающий лексику современной эпохи: «МХАТ же должен стать вышкой театрального искусства».

Ненатужно, как бы сам собой постепенно выстраивается сюжет о судьбе великого человека в окутанную эпоху, вырисовывается образ человека, остававшегося равным себе в любых предлагаемых обстоятельствах. Как правило, существует определенная дистанция для рассмотрения великих людей: «большое видится на расстоянии». В случае со Станиславским микрорасстояние не влияет на восприятие масштаба этой фигуры. Постепенно становится понятным, почему Качалов перед свиданием со Станиславским долго волновался, менял костюмы, рубашки, галстуки. Почему саркастичный футурист Мариенгоф назвал его: «Богом театра».

В предисловии к книге Анатолий Смелянский (главный ре-

дактор Собрания сочинений) выражает надежду, что «таким образом представленная подробная жизнь позволит будущим поколениям ученых заново осмыслить то, что произошло с основателем МХТ и его театром после революции». Но представляется, что книга имеет куда более широкого адресата и более объемную задачу. Впрочем, сам Станиславский всегда был уверен, что учит актерской профессии, хотя на самом деле он учил жизни.

Ксения ПОНАРИНА

«ЭС» предлагает читателям три письма из 9-го тома Собрания Сочинений К.С.Станиславского

ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Москва. 22 февраля 1921г.

От артиста Московского Государственного Художественного Академического театра Константина Сергеевича Станиславского (Алексеева)

Заявление

Мой брат, Георгий Сергеевич Алексеев, — арестован в Крыму, жена его, Александра Густавовна Алексеева, — серьезно больна, а дочь их, Валентина Георгиевна Конохова, — находится в тяжелых материальных условиях.

Чтобы спасти брата и его семью, я обращаюсь во Всероссийский Центральный исполнительный комитет с нижеследующей просьбой:

- 1) Приказать сделать справку о причине ареста Алексеева.
- 2) Если это окажется возможным, — освободить его из-под ареста или облегчить его тяжелую участь. Желательно это сделать как можно скорее, так как Алексеев — человек больной.
- 3) В случае освобождения заключенного, разрешить ему и его семье переехать в Москву и дать для этого соответствующее разрешение.

Адрес брата, по последним сведениям, — Крым, Ялта, Новый Мисхор, бывшее имение бывш. князей Долгоруковых.

Артист Московского Художественного театра
Константин Сергеевич Станиславский (Алексеев).
Мой адрес: Москва, Художественный театр.

Г. С. БУРДЖАЛОВУ
1924-4/ХП [Москва] 2

Дорогой, милый, любимый Георгий Сергеевич!
Мы все самым искренним образом огорчены Вашим нездоровьем и тоскуем, что пришлось впервые играть «Дню» без Вас. Хотелось бы, чтоб Вы сумели не принимать слишком

близко к сердцу всякие неприятности, которые окружают нас. Право, все так бrenно и ничтожно стало на земле, что не стоит того, чтоб отдавать много сердца. Чего-чего не происходит с нами, и все-таки жизнь как-то вывертывается и хоть и плохо, но устраивается, до новой неприятности. Точно мы в Лупарк'e проходим всевозможные фокусы. Они, как и там, недели, и не стоит обращать на них особого внимания. Я сейчас, как и Вы, нахожусь под обстрелом Всерабиса; вот уже третий месяц, как один мерзавец отравляет мне жизнь и хочет закрыть студию и завладеть домом. С того момента, как я себе сказал: «Пусть закрывает. Хуже не будет», — мне стало легче жить. Меня хотят тянуть в суд, но кто же в нынешнее время не судится!! Ну! присудят к выговору. Ну! посадят! Все это пуганье, так как преступлений за нами нет никаких. Мы так чисты в нашем искусстве, что стыдиться и бояться должны за нас другие. Порадуйте же нас и будьте опять бодры, как всегда, и здоровы. Да хранит Вас Господь. Обнимаю нежно и с любовью, а жене целую ручку.

Сердечно любящий Вас К. Алексеев

Н. В. ТИХОМИРОВОЙ
1933-20/1 [Москва]. 70 л. жизни 3

Долго жил. Много видел. Был богат. Потом обеднел. Видел свет. Имел хорошую семью, детей. Жизнь раскидала всех по миру. Искал славы. Нашел. Видел почести, был молод. Со старился. Скоро надо умирать.

Теперь спросите меня: в чем счастье на земле?
В познании. В искусстве и в работе, в постигновении его. Познавая искусство в себе, познаешь природу жизнь мира, смысл жизни, познаешь душу — талант!
Выше этого счастья нет.

А успех?
Бренность.
Какая скука принимать поздравления, отвечать на приветствия, писать благодарственные письма, диктовать интервью. Нет, лучше сидеть дома и следить, как внутри создается новый художественный образ.

К. Станиславский

Комментарии

1. ГАРФ, Р-1235, оп. 96, д. 737, л. 11. МП на бланке МХАТ, подпись — автограф.

На письмо резолюция А. С. Енукидзе от 26 февраля: «Срочно телеграфно запросить о причинах ареста гр. Алексеева по двум адресам (Севастополь и Ялта)». На это 15 марта последовал ответ предревкома Севастополя, что «по наведенным справкам Революционного трибунала» за подведомственными ему учреждениями Г.С. Алексеев не числится, и резолюция на нем от 28 марта: «Сообщить содержание телеграмм тов. Станиславскому» (л. 14). Ответ был направлен Станиславскому 13 апреля, но еще до того, 1 апреля, С. обратился с ходатайством в Управление делами Совнаркома.

2. КС, № 4575.

Георгий Сергеевич Бурджалов (1869—1924) — актер, режиссер, педагог; в МХАТ — 1898—1924; один из основателей и руководителей Четвертой студии.

Бурджалов, бесценный исполнитель роли хозяина ночлежки Костылева, умер через несколько дней, 10 декабря.

3. КС, № 5865.

Нина Васильевна Тихомирова (1898 — 1976) — актриса; в МХАТ с 1924 по 1964 г.

Тихомирова пришла поздравить С. с его 70-летием; их разговор скоро перешел в репетицию сцены из 1-го акта «Трех сестер». Именно эта сцена, где Тихомирова играла Ольгу с С. — Вершининым, была показана на вечере, посвященном 30-летию МХАТ. На прощание она попросила написать ей несколько слов в память о встрече и необычной репетиции. С. оторвал клочок бумаги, в которую были завернуты преподнесенные ему цветы, и написал публикуемые строки.